

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическое проектирование сегодня выступает одним из наиболее востребованных направлений политологических исследований и разработок, связанным с необходимостью определения научно обоснованных вариантов решения актуальных проблем общественного развития. Возрастающий интерес к возможностям использования проектного менеджмента в сфере политики как в рамках отдельно взятых национальных государств, так и на международном уровне обусловлен прежде всего стремлением к повышению степени эффективности управления социально-политическими процессами, что предполагает уменьшение «пространства неопределенности» при принятии решений в условиях стремительно меняющихся реалий современного мира.

Проектирование предполагает создание вполне конкретного образа будущего, обладающего некоторыми желаемыми свойствами и характеристиками. В этом плане оно качественно отличается от прогнозирования, которое, строго говоря, не ставит перед собой цель решения каких-либо насущных проблем, а только содействует научному обоснованию предпринимаемых в данном направлении политических решений и действий. Прогнозирование связано с познанием реальности и представляет собой систему вероятностных суждений о возможных ее изменениях. Проектирование имеет иную цель: оно ориентировано не на изучение действительности, а на ее преобразование путем выбора одного из возможных вариантов действий с учетом имеющихся ограничений по времени, ресурсам и требуемым параметрам конечных результатов. Следовательно, политическое проектирование, если речь идет о потенциально

реализуемых, а не об утопических проектах, должно опираться на результаты научного прогнозирования. Только в этом случае оно может выступать в качестве основы для выработки и принятия действенных политико-управленческих решений.

Важную роль в социально-политической прогностике и проектировании играет аналитическая разработка трендов — основных тенденций, определяющих ключевые параметры общественных изменений. Глобальные мегатренды характеризуют, прежде всего, взаимосвязи, взаимодействия и взаимовлияния современного мира, которые приобретают определенную специфику в зависимости от особенностей цивилизационно-культурной среды отдельных государств и регионов. В данном отношении целесообразно, в частности, различать тренды развития обществ Запада и Востока, во многом не совпадающие друг с другом, что дает возможность объяснить как многообразие траекторий трансформации политических режимов в странах «третьей волны» демократизации, так и невысокую степень подтверждения практикой известных транзитологических концепций, получивших распространение в последнее десятилетие XX в.

Указанное обстоятельство актуализирует задачу исследования феноменов делиберализации ряда «новых демократий» и формирования традиционалистских и фундаменталистских антипроектов, отрицающих базовые ценности западной цивилизации. Это предполагает не только теоретическое осмысление и объяснение причин отката «третьей волны» демократизации, но также и разработку методологии проектирования политических процессов в переходных обществах, ставящего целью минимизацию политических и социально-экономических рисков трансформации поставторитарных режимов, в том числе и на пространстве бывшего СССР. Есть основания утверждать, что консолидация «новых демократий» связана с достаточно высоким общественным спросом на свободу, преобладанием ценностей самовыражения над ценностями выживания, помогающих гражданам сохранять уверенность в необходимости дальнейших демократических преобразований даже в условиях снижения эффективности социально-экономической политики государства. Напротив, преобладание ценностей выживания над ценностями са-

мовыражения, ограничивающее общественный спрос на свободу, обуславливает снижение степени доверия к демократическим институтам и процедурам, спад массовой политической активности и актуализацию антипроектов, конструирующих образы желаемого будущего на основе отрицания идей общественного прогресса и трендов мирового развития.

Легитимность политического проектирования определяется динамикой соотношения в общественном сознании традиционного и модернизационного начал, а также степенью информированности граждан о том, насколько планируемые изменения отвечают их интересам. Преодолению «рационального неведения» и чувства отчуждения от принимаемых решений должна способствовать реализация проектов электронной демократии, позволяющих привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями современного общества. По существу, такие проекты открывают возможности для формирования принципиально нового способа организации политического пространства, в формате которого граждане и институты гражданского общества выступают уже не в качестве объектов властно-управленческого воздействия или в роли потребителей государственных и муниципальных услуг, а являются полноправными участниками публичного процесса, связанного с формированием повестки дня на местном, региональном и национальном уровне. Между тем российская практика политического проектирования, к сожалению, показывает, что Интернет-технологии по-прежнему рассматриваются как органами власти, так и общественными объединениями преимущественно в качестве еще одного инструмента «вещания», информирования, распространения однонаправленного потока сообщений от коммуникатора к адресатам. И в данном отношении, несомненно, следует обратиться к изучению европейского опыта строительства сетевых партий, использующих потенциал Интернета для организации более демократического по своему характеру взаимодействия между участниками политического процесса, способствующего достижению и укреплению их взаимного доверия и взаимопонимания на основе диалога, равноправного обмена сведениями как о происходящих, так и об ожидаемых событиях и явлениях.

Сложность, тем не менее, заключается в том, насколько общество готово и стремится к подобному диалогу. Как свидетельствует представленный в настоящей работе анализ данных социологических исследований, население большинства стран, в том числе и России, в своей массе не обладает активным желанием проявить себя в сфере публичной политики. Применительно к отечественной практике это можно отчасти объяснить отсутствием закрепленных действующим законодательством институционализированных способов и форм участия гражданского общества в процессе формирования повестки дня в качестве равноправного партнера государства. Но при этом не следует отрицать и тот факт, что опыт проектирования и реализации эффективного сотрудничества с государственными органами, накопленный некоторыми правозащитными, благотворительными, творческими и иными общественными организациями, остается практически невостребованным со стороны потенциальных участников такого взаимодействия как на общенациональном, так и на региональном уровне. Необходимо признать, что существует настоятельная потребность в преодолении сложившейся взаимной дистанционности институтов власти и гражданского общества и установления между ними продуктивного диалога, который отвечал бы общим интересам. А для этого обе стороны должны сделать шаги навстречу друг другу.

Анализ практики политического проектирования в государствах постсоветского пространства показывает, что оно во многом являлось отражением борьбы между различными группами элит и степени ее интенсивности. Институциональные реформы проводились не на основе долговременной стратегии, а в результате серии компромиссов, внутриэлитных пактов и действий по навязыванию правил игры одним из субъектов политического процесса. Подобными стратегиями *ad hoc* и объясняется большой объем поправок в конституции, избирательное законодательство, законы о политических партиях и другие нормативные акты, регламентирующие «правила игры». Можно утверждать, что процесс пересмотра правил в постсоветских государствах происходит непрерывно, превращаясь из конечной цели в способ протекания политического процесса, при котором акторы приспосабливают формальные институты под существующие

партии, группы людей или отдельного руководителя. Тем самым институты превращаются из устойчивых воспроизводящихся правил в правила, устанавливаемые «по усмотрению» в зависимости от изменения политических условий или сразу после очередных выборов. В большинстве случаев, за редким исключением, происходит деинституционализация и персонализация политического процесса, а политическое проектирование утрачивает свое стратегическое значение, приобретая характер инструмента, способствующего решению частных тактических задач, либо «отложенной опции» по разработке масштабных проектов без указания сроков и возможностей их реализации.

Однако для того, чтобы политическое проектирование в полной мере раскрыло свой потенциал в качестве одного из основополагающих способов организации общественного развития, оно должно ориентироваться не на конъюнктурные потребности отдельных политиков или элитных групп, а на стратегические, долгосрочные перспективы, определяемые в ходе конструктивного диалога государства и граждан. Только в этом случае политическое проектирование окажется способным выполнить свою функцию активного воздействия на будущее, действительно отвечающего интересам широких слоев общества.